Научная статья

УДК 159.943.6 + 304.444 + 599 + 2-18 + 176 + 316.48

DOI 10.15826/koinon.2024.04.4.025

ЖИВОТНОГО НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ИЛИ ПОЧЕМУ СЕКС — ЭТО ПОЛИТИКА?

Павел Гордок

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
gordok.kostanay@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9832-537X>*

Аннотация. С точки зрения лакановского психоанализа абстракция Животного вскрывает конкретную реальность разрыва между Субстанцией и Субъектом, опосредующего человеческую субъективность. Чудовищность, наблюдаемая нами в животных, отражает конститутивную травму, с которой начинается становление человека. Структурообразующая травма тесным образом связана с фундаментальным антагонизмом Реального, а вслед за ним — с половым различием. Вытеснение полового различия из поля рассмотрения дискредитирует попытки эмансипировать сексуальность (в психоаналитическом смысле), блокируя политический потенциал психоанализа. «Невозможный» взгляд, или взгляд с позиции травмы, полового различия, раскола между Субстанцией и Субъектом, — это взгляд Человека на самого себя через оптику Животного, присущего нам самим. Занимаемая психоанализом точка зрения, противоположная всякой нейтральности, делает доступным подлинное эмансипационное действие, мыслимое в качестве невозможного.

Ключевые слова: политика, Животное, сексуальность, не-отношения, социальный антагонизм

Для цитирования: Гордок П. Животного не существует, или Почему секс — это политика? // Koinon. 2024. Т. 4, № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.15826/koinon.2024.04.4.025>

Original article

THE ANIMAL DOES NOT EXIST, OR WHY SEX IS POLITICS?

Pavel Gordok

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

gordok.kostanay@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9832-537X>

Abstract. From the perspective of Lacanian psychoanalysis, the abstraction of the Animal reveals the specific reality of the gap between Substance and Subject that mediates human subjectivity. The monstrosity we observe in animals reflects the constitutive trauma from which human becoming begins. The constitutive trauma is intimately connected to the fundamental antagonism of the Real and, following it, to sexual difference. The displacement of sexual difference from consideration, in turn, discredits attempts to emancipate sexuality (in the psychoanalytic sense) by blocking the political potential of psychoanalysis. “Impossible” view, or the view from the perspective of trauma, of sexual difference, of the rupture between Substance and Subject, is the Human view of the self through the optics of the Animal inherent in ourselves. The viewpoint taken by psychoanalysis, which is opposed to any neutrality, makes genuine emancipatory action, thinkable as impossible, available.

Key words: politics, the Animal, sexuality, non-relation, social antagonism

For citation: Gordok, P. (2024). Zhivotnogo ne sushchestvuet, ili Pochemu seks — eto politika? [The Animal does not Exist, or Why Sex is Politics?]. *Koinon*, 4, 4, 48–57. <https://doi.org/10.15826/koinon.2024.04.4.025>

Оппозиция между животным и человеческим простирается далеко за пределы разницы исключительно интеллектуальных форм существования и коммуникации особей. Так, мы не просто привыкли думать, что животные не способны мыслить или осмысленно говорить, но мы также склонны считать, что животные не умеют любить, получать удовольствие, вступать в «настоящие» отношения. Безусловно, между животным и человеком имеется отчетливое различие, однако проблема этого различия не состоит в имманентных характеристиках, приписываемых той или иной стороне данной оппозиции. Нашей задачей является не попытка доказать, что между животным и человеком гораздо больше общего, чем нам кажется, но в том, чтобы посмотреть на проблему человека и животного сквозь призму «мира наизнанку» в гегелевском смысле. Вместо того чтобы искать различия и сходства между животным и человеком, необходимо обнаружить Животное в нас самих, иными словами, обратить внимание на черты, обнаруживаемые нами в животных, между тем,

принадлежащие нам самим. Этот путь будет осуществляться от деконструкции понятия животного через травматическое событие и сексуальность — к (эмансипационной) политике.

В особенности четко традиционная оппозиция между животным и человеческим разворачивается именно в политике как специфически человеческом способе совместного пребывания. Древнегреческое (аристотелевское) понятие βίος πολιτικός трактуется как «образ жизни, достойный свободного человека и показывающий его свободу» [Арендт, 24]. Животное как часть окружающего мира, неподвластного сознательным рукотворным изменениям со стороны фауны, не может быть причастно политической жизни. Более того, даже человеческие животные, лишённые отношений с логосом, — свободные греки, разумеется, именовали самих себя ζῷον λόγου ἔχον, то есть существами, «обладающими логосом» [Там же, 40], — рабы, варвары, дети и женщины — не вступали на политическое поприще по причине отсутствия у них способности к осмысленной коммуникации.

Животной, биологической или экономической части человека посвящена другая сфера жизнедеятельности, гарантирующая *выживание* — в противовес *жизни*, — область домохозяйства, οἶκος. Если политическое пространство описывается в категориях противостояния и конфликта, то в области экономической жизни человеческие животные (равно как и любые другие животные, единственным пространством для взаимодействия которых является οἶκος в широком смысле этого слова) подчинены общему интересу. На данном этапе необходимо выделить ключевую характеристику политического — а именно характерное для политики несогласие, которое предстает в качестве важнейшего признака человеческого бытия с точки зрения древних греков. Возможность несогласия обеспечивается за счет причастности свободных граждан к логосу, или к осмысленной речи, в то время как любые другие живые существа используют речь в качестве инструмента коммуникации исключительно с целью обоснования себя в качестве биологического вида, то есть выживания и продолжения рода.

Действительно, речь, причастная как разумности и способности отвечать за слова и поступки, так и политическому способу существования, традиционно называется среди первых критериев различия между животным и человеческим. Человек помещен в условия дискурсивного воздействия, он может быть подвержен деструктивному — или, напротив, конструктивному — влиянию со стороны наделенных смыслом слов, сплетенных в предложения и тексты. Речь (язык) — это пространство Символического, поле культурного порядка. Пожалуй, именно здесь и возникает само представление о животном: появление *Животного* стало возможным благодаря уникальному человеческому свойству — речи. Стоит оговориться, что вывод, к которому мы пришли, не означает только лишь то, что Животное — это простая обобщающая абстракция, вытекающая из метафизического способа мыслить: «Кто отвечает на имя

нарицательное, употребленное обобщенно и в единственном числе, имя того, что они так беспечно называют “животным”?» [Деррида, 274]. Животного не существует (в субстанциональном или объектном смысле) не только потому, что мы всего лишь назвали нечто Животным, то есть вменили Животному перечень неустойчивых характеристик, как то: неспособность осмысленно говорить, любить, объединяться в «подлинные» политические коллективы. Дело в том, что за простой абстракцией Животного скрывается Его вполне конкретная реальность — однако эта реальность не фундирует животных в качестве животных, как мы могли бы прикинуть на первый взгляд, она, скорее, срывает покровы с зияющей пропасти, лежащей в основании человеческой субъективности.

Мы можем пойти дальше и сказать, что *Человек* возникает ровно тем же образом, что и Животное. Однако то, что отличает нас от животных, — это способность мыслить негативность, конституирующую нас в качестве субъектов. Нечеловеческое животное не может предположить собственную неполноценность, поскольку перманентно пребывает в пространстве Реального. Доступное человеку поле Символического тем не менее всякий раз норовит сокрыть от нас обстоятельство незавершенности Человека. Речь — это то, что, с одной стороны, позволяет обнаружить конституирующую травму, но, с другой стороны, утаивает ее от человеческого субъекта. Заострим внимание на структурообразующей травме, поскольку именно здесь проявлена разница между человеческим и животным: «...для животных такие травматические разрывы являются исключением, они переживаются как катастрофа, разрушающая их образ жизни; для людей, напротив, травматическое столкновение — это универсальное условие, вторжение, с которого начинается процесс “становления человеком”» [Жижек 2002]. Иными словами, травма — это негативное «содержание», «нечеловеческое “ядро” человека» [Жижек 2008, 13]. Внесем поправку в знаменитую фрейдовскую формулировку «Вы спрашиваете, кем может быть Человек. Животным он *не* является»: итак, это Животное. Подчеркнем, что эта формула не означает банальное «Человек — это вид приматов, следовательно, часть животного царства». Конституируемое посредством речи Животное является негативной «сердцевиной» Человека, скрываемой механизмами пространства Символического, ответственными за работу с травмой: «... что видит этот кот — так это нас в нашей чудовищности, и то, что мы видим в его измученном взоре, — это нашу собственную чудовищность» [Žižek, 413]. «Наша собственная чудовищность», в свою очередь, состоит в том, что «различие между Субстанцией и Субъектом должно отражать субъективность, вписывать себя в саму субъективность как нередуцируемый разрыв...» [Жижек 2020, 144]. Человек являет собой конкретно существующий разрыв между Субстанцией и Субъектом — разрыв, пугающий нас в Животном, но принадлежащий нам самим.

Но причем здесь, собственно, политика? Как было показано ранее, в истории философии политическая форма сосуществования тесно связывалась с категорией разумности, исключительно приписываемой человеческому существу. Животные не объединяются в политические сообщества, поскольку не способны друг другу противостоять (на рациональных началах). С традиционной формулировкой можно согласиться, «политика — это по определению политика невозможного (невозможных отношений)» [Зупанчич 2020, 49], однако это невозможное едва ли связано с человеческой разумностью. Напротив, политика проливает свет на Животное «внутри» Человека, на фундаментальный антагонизм, опосредующий возникновение идеологического фантазма на уровне политической организации жизни социума и бессознательного на уровне индивидуальной психической жизни. Оксана Тимофеева сравнивает возникновение батаевского пространства сакрального насилия с психоаналитическим вытеснением: «...появление сакрального из исключенной природы на уровне социальной организации параллельно возникновению бессознательного из исключенной животной сексуальности и инстинктов на уровне индивидуальной психологической жизни» [Тимофеева, 167]. Действительно, момент исключения природного из человеческой общности/сексуальности оказывается принципиальным в вопросе функционирования (капиталистической) идеологии, которая существует благодаря психическому аппарату бессознательного с присущими ему механизмами защиты. Напряжение между отсутствующим природным (биологическим) и человеческим (говорящим) телами опосредует идеологию, она возникает там, где эксплуатируются не-отношения: «Капитализм — это то, что усваивает, ассимилирует не-отношения именно как не-отношения... Экономически это происходит за счет включения в ряд товаров (носителей стоимости) труда (который является *источником* стоимости)... <...> Политически — за счет того, что существующая форма не-отношений провозглашается единственной возможностью социальных отношений, тем, что предохраняет нас от погружения в хаос» [Олелуш, 137]. Важным фактором оказывается сама способность мыслить не-отношения — способность, отличающая нас от животных: «Сексуальные не-отношения не являются тем, что отличает нас от животных. Не-отношения не появляются тогда, когда появляется язык. Не язык мешает отношениям осуществиться. Животные не имеют отношений, разница между животными и человеком здесь в другом: животные не знают о том, что сексуальных отношений не существует» [Там же, 132].

Точка совпадения политики и сексуальности — ключевых объектов «конфликтных наук»: марксизма и психоанализа — в фундаментальной невозможности, а значит: в недопущении позиции нейтралитета. В «Эросе и цивилизации» Герберт Маркузе связывает либидозные влечения и политическое отношение господства и подчинения следующим образом: «Общественная организация человеческого существования надстраивается над либидозными влечениями

и потребностями; их повышенная пластичность и гибкость позволяет формировать и использовать их для “цементирования” данного общества. Таким образом, так называемое “патрицентристски-стяжательское” общество... осуществляет координацию либидозных импульсов и их удовлетворения (а также отвлечения) с интересами господства и, следовательно, становится стабилизирующей силой, привязывающей большинство к правящему меньшинству» [Маркузе, 209]. Отсюда Маркузе делает вывод о том, что критическое (читай: политическое) содержание психоанализа «проистекает из фундаментальной роли сексуальности как “продуктивной силы”» [Там же, 210], а свобода за пределами господства и подчинения доступна благодаря эмансипации либидозных влечений, переходу от принципа реальности к принципу удовольствия. Мишель Фуко позднее критикует «гипотезу подавления» — «подавления, свойственного обществам, называемым буржуазными, подавления, от которого мы будто бы до сих пор не совсем еще освободились» [Фуко, 111], — между тем в некотором смысле оставаясь ее заложником. Фуко настаивает на том, что проблема состоит не в табуировании секса, но в том, что можно именовать «разворачиванием [deployment] сексуальности» [Цит. по: Renaud, 93]: «Цензура секса? Скорее, была размещена аппаратура для производства дискурсов о сексе, — всё большего числа дискурсов, способных функционировать и оказывать действие в самой его экономике» [Фуко, 119]. Однако неявная близость позиций Маркузе и Фуко как раз состоит в деполитизации дискурса об эмансипации сексуальности. Иными словами, сопротивление политическому аппарату господства в глазах упомянутых теоретиков оказывается с нейтральных позиций, с позиций «индивидуального отношения к миру», благодаря которым «сексуальные эксперименты стали неотъемлемой частью буржуазной культуры» [Тимофеева, 163–164]. Обретение особой «собственной» сексуальности — возможной посредством «заботы о себе» или «борьбы за Эрос против смерти и против цивилизации» [Маркузе, 250] — это фантазия, скрывающая коренное условие отсутствия сексуальных отношений.

Лакановский тезис «Сексуальных отношений не существует» означает следующее: «...На самом деле в сексуальности каждый по большому счету предоставлен себе самому... Сексуальное не соединяет, оно разъединяет» [Badiou, Truong, 18]. В этом и состоит парадоксальный (в том числе онтологический) статус сексуальности и вместе с ней половых различий: сексуальное никогда не одиноко, однако оно не может быть охарактеризовано с позиций двойственности (или множественности). Речь здесь идет не о том, что между «мужской» и «женской» позициями существует непреодолимая пропасть, напротив, именно эта пропасть оказывается общей для обеих сторон¹. Внутри

¹ Славой Жижек пишет: «Сексуальные различия — это не различия между двумя видами человеческих существ. С мужской точки зрения сами сексуальные различия видятся совсем иначе,

сексуальности невозможно быть нейтральным, и здесь сексуальность опосредует политическое: «...психоанализ политичен не потому, что предлагает сексуальные отношения в качестве того, что лежит в основании всех (политических, социальных, экономических) отношений, а потому, что он выявляет сексуальность как зияние, как не-отношения. Не-отношения — это <...> то, что деформирует структуру социального поля, делая *нейтральность* невозможной» [Олелуш, 135]. Только в таком смысле можно понимать сексуальность как «нечто» эмансипационное. Психоанализ позволяет увидеть, что половое различие — это «не просто борьба женщин против мужчин», дело в том, что поле Социального по своей сути конфликтно, а названная асимметрия уже присутствует «внутри всех социальных противостояний, начиная с классового антагонизма» [Зупанчич 2018б]. Аленка Зупанчич отмечает, что в том случае, если мы рассматриваем «половые различия в терминах гендера, <...> “изгоняем секс из пола”, мы изгоняем в первую очередь ту самую вещь, которая выводила на свет проблематичный и исключительный характер половых отличий» [Зупанчич 2018а, 47]. Не обнаруживается ли то же самое в попытках Маркузе и Фуко противостоять авторитарному порабощению либидозных влечений или «собственного» (сексуального) удовольствия? Фокус на обретении сексуальной (гендерной) идентичности не снимает изначальную проблему, но устраняет «возможность ее видеть и, в конечном счете, разбираться с ней» [Там же].

Вопреки традиционному представлению о том, что политика доступна говорящим существам (человеческим животным, «обладающим логосом») по факту их причастности к *человеческому*, психоанализ демонстрирует, каким образом Животное «внутри» нас, «наша собственная чудовищность», задает условия для возникновения политики. Животного не существует именно потому, что фундаментальное Различие оказывается первичным по отношению к понятию животного, иными словами, Животное возникает в качестве ответа на коренную травму, опосредующую Субъекта. Именно изъятие человека из поля инстинктивного² (в психоаналитическом смысле) затушевывает

нежели с женской. Итак, опять же, *различия парадоксальным образом становятся первичными* (курсив мой. — П. Г.)» [Жижек 2013, 119]. То же самое применимо к политическому делению на «правых» и «левых»: «...вы сможете разделить левых и правых только если подойдете к этому либо с левой, либо с правой позиции» [Там же].

² Под «инстинктивным» в данном случае понимается не то, что обычно именуют естественным инстинктом животных: «Нет никаких сомнений в том, что то, что Фрейд открыл и назвал *Trieb*, не является “инстинктом” в том смысле, в котором мы обычно говорим о “животных инстинктах” — как о своего рода врожденном автопилоте выживания, нацеленном на самосохранение. Тем не менее, с другой стороны, мы также рискуем упустить смысл, если мы просто скажем, что влечение — нечто совершенно отличающееся, не имеющее ничего общего с “природой”, “животным”, и если мы таким образом примем его за (психоаналитический) носитель “исключительности человека”. <...> *Trieb* (*jouissance*) не является ни тем, ни другим, ни животным, ни человеческим» [Зупанчич 2019].

реальное не-отношений, то есть обеспечивает идеологии (фантазму) возможность функционирования. Напротив, изоляция влечения (инстинкта) как точки зрения, «из которой возникают различия (между человеком, животным, камнем)» [Зупанчич 2019] — это радикальный онтологический жест, направленный на подрыв устоявшихся символических координат. «Невозможная» точка зрения, взгляд со стороны фундаментального антагонизма, полового различия, структурообразующей травмы, разрыва между Субстанцией и Субъектом — это взгляд Человека на самого себя через призму Животного («внутри» нас). Психоаналитическая оптика позволяет пролить свет на трещины, пронизывающие пространство Символического, а также «онтологически “наполнить” политическое действие, вывести его в разряд событий» [Гордок, 138]. Подлинное политическое действие, мыслимое исключительно в качестве *невозможного*, «меняет параметры того, что считается возможным в существующей констелляции» [Жижек 2014, 273]. Именно в этом состоит эмансипационный и политический потенциал сексуальности, объединяющей нас с животными, но для которых «не-отношения не составляют проблемы», потому что «они не знают об их несуществовании» [Олелуш, 132].

Список источников

- Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М. : Ad Marginem Press, 2017.
- Гордок П. Ю. «Can we get our materialism back, please?»: Краткий очерк современной материалистической диалектики // Современная социальная философия и перспективы общественности : материалы всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 29–30.06.2023 г.). Екатеринбург : Деловая книга, 2024. С. 136–139.
- Деррида Ж. Животное, которым я следовательно являюсь // Социология власти. 2019. Т. 31, № 3. С. 220–275.
- Жижек С. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди! // Логос. 2002. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm (дата обращения: 19.08.2024).
- Жижек С. Реальность виртуального // *Vita Cogitans*. 2013. №7. С. 111–126.
- Жижек С. Страх трех слов: скромный призыв к гегелевскому прочтению Христианства // Жижек С. Монструозность Христа. М. : РИПОЛ классик, 2020. С. 45–196.
- Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М. : Издательство «Европа», 2008.
- Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
- Зупанчич 2018а — Зупанчич А. Половые различия и онтология // *Лаканалия*. 2018. № 29. С. 34–49.
- Зупанчич 2018б — Зупанчич А. Спасти половое различие или самим спастись от него? // *Psychoanalysis.by*. 2018. URL: <https://psychoanalysis.by/2018/11/09/lubluni/> (дата обращения: 20.08.2024).
- Зупанчич А. Человеческое животное // Новое литературное обозрение. 2019. № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/158_nlo_4_2019/article/21360/ (дата обращения: 19.08.2024).
- Зупанчич А. Что есть секс? СПб. : Скифия-принт, 2020.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ, 2003. С. 5–250.

- Олелуш. О книге Аленки Зупанчич *What Is Sex?* // Лаканалия. 2018. № 29. С. 128–141.
- Тимофеева О. У нас никогда не было секса // *Stasis*. 2016. Т. 4. № 1. С. 162–181.
- Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. С. 97–268.
- Badiou A., Truong N. *In Praise of Love*. London : Serpent's Tail, 2012.
- Renaud J. Rethinking The Repressive Hypothesis: Foucault's Critique of Marcuse // *Symposium*. 2013. Vol. 17. Iss. 2. P. 76–93.
- Žižek S. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London : Verso, 2012.

References

- Arendt, H. (2017). *Vita Activa, ili O deyatel'noj zhizni* [The Human Condition]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Badiou, A., Truong, N. (2012). *In Praise of Love*. London: Serpent's Tail.
- Derrida, J. (2019). *Zhivotnoe, kotory'm ya sledovatel'no yavlyayus [L'Animal que donc je suis]*. *Sociologiya vlasti*, 13, 3, 220–275.
- Foucault, M. (1996). *Volya k znaniyu [La volonté de savoir]*. In *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality], 97–268. Moscow: Kastal'.
- Gordok, P. Yu. (2024). Can we get our materialism back, please? : Kratkij ocherk sovremennoj materialisticheskoy dialektiki [Can we get our materialism back, please? : A Brief Outline of Contemporary Materialistic Dialectics]. In *Sovremennaya social'naya filosofiya i perspektivy obshchestvoznaniya : materialy' vserossijskoj nauchnoj konferencii (Yekaterinburg, 29–30.06.2023)* [Modern Social Philosophy and prospects of social cognition : materials of the All-Russian Scientific conference (Yekaterinburg, 29–30.06.2023)], 136–139. Yekaterinburg: Delovaya kniga.
- Marcuse, H. (2003). *Eros i civilizaciya [Eros and Civilization]*. In Marcuse H. *Eros i civilizaciya. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society], 5–250. Moscow: AST.
- Olelush (2018). О книге Аленки Зупанчич *What Is Sex?* [On Alenka Zupančič's book *What Is Sex?*]. *Lakanaliya*, 29, 128–141.
- Renaud, J. (2013). Rethinking The Repressive Hypothesis: Foucault's Critique of Marcuse. *Symposium*, 17, 2, 76–93.
- Timofeeva, O. (2016). U nas nikogda ne by'lo seksa [We Have Never Had Sex]. *Stasis*, 4, 1, 162–181.
- Žižek, S. (2012). *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso.
- Žižek, S. (2013). *Real'nost' virtual'nogo [The Reality of the Virtual]*. *Vita Cogitans*, 7, 111–126.
- Žižek, S. (2002). *Oboidemsya bez seksa, ved' my' zhe post-lyudi! [No Sex, Please, We're Post Human!]*. *Logos*. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm (accessed: 19.08.2024).
- Žižek, S. (2008). *Ustroistvo razry'va. Parallaksnoe videnie [The Parallax View]*. Moscow: Evropa.
- Žižek, S. (2014). *Shchekotlivy'j sub'ekt: otsutstvuyushchij centr politicheskoy ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology]. Moscow: Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS.
- Žižek, S. (2020). *Strah trekh slov: skromny'i prizy'v k gegelevskomu prochteniyu Hristianstva [The Fear of Four Words: A Modest Plea for the Hegelian Reading of Christianity]*. In Žižek S. *Monstruoznost' Hrista*, 45–196 Moscow: RIPOL klassik.
- Zupančič, A. (2018). *Polovy'e razlichiya i ontologiya [Sexual Difference and Ontology]*. *Lakanaliya*, 29, 34–49.
- Zupančič, A. (2018). *Spasti polovoe razlichie ili samim spastis' ot nego? [To Save the Sexual Difference or To Be Saved from It Ourselves?]*. URL: <https://psychoanalysis.by/2018/11/09/lubluni/> (accessed: 20.08.2024).

Zupančič, A. (2019). Chelovecheskoe zhivotnoe [Human Animal]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/158_nlo_4_2019/article/21360/ (accessed: 19.08.2024).

Zupančič, A. (2020). *Čto est' seks?* [What is Sex?]. Saint Petersburg: Skifiya-print.

*Статья поступила в редакцию 03.09.2024;
одобрена после рецензирования 15.09.2024;
принята к публикации 01.10.2024*

*The article was submitted 03.09.2024;
approved after reviewing 15.09.2024;
accepted for publication 01.10.2024*

Информация об авторе

Гордок Павел — ассистент кафедры социальной философии, магистрант департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Gordok Pavel — assistant at the Department of Social Philosophy, master's student Department of Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia